

ЮРЬЕВА
Жасмин

Род, что
СТАРШЕ
КОРОНЫ

Жасмин Юрьева

Род, что старше короны. Книга первая.

<https://litres.ru/73525258>

SelfPub; 2026

Аннотация

В королевстве, где за улыбками скрываются заговоры, судьба служанки редко имеет значение.

Элиса привыкла быть тенью при дворе. Но одна случайная встреча меняет всё.

Старший принц видит в ней опасную загадку. Младший игру, в которую он не привык проигрывать.

А северный лорд замечает в её взгляде странное сходство с прошлым, которое должно было исчезнуть много лет назад.

Пока в замке зреют заговоры и борьба за власть становится всё опаснее, тайна крови Элисы может изменить судьбу короны.

Потому что некоторые роды старше самой короны.

Содержание

Пролог	4
Глава 1.	7
Глава 2.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Род, что старше короны. Книга первая.

Пролог

Род, что старше короны.

Ночь, в которую её объявили мёртвой.

Дом де Валленкорт. Не знал переворотов.

Его короли не захватывали, они наследовали. Их право не оспаривалось веками.

Девиз рода – Честь хранит кровь. Не был угрозой. Он был фактом.

Король Альдриан де Валленкорт верил в это. До той ночи.

Когда родилась его дочь, двор выдохнул с облегчением. Королева умерла через несколько часов после родов. Тихо. Слишком тихо для той, кого народ называл Светом Севера. Но наследница жила.

И этого оказалось достаточно. Чтобы враги перестали ждать.

Переворот начался без объявления.

Не было труб, не было открытых знамен. Только огонь, слишком быстро охвативший западное крыло дворца.

Крики смешались с треском балок.

Король успел войти в детскую.

Младенец спал.

Он не сказал ни слова. Лишь снял с шеи тонкую цепочку с маленьким серебряным соколом – гербом дома де Валленкорт, и вложил её в ткань, в которую была завернута девочка.

Если ты выживешь, – прошептал он. Ты вернёшься.

Верный рыцарь, сир. Гийом ждал у потайной лестницы.

Выведи её, – приказал король. Через северные ворота.

Под видом похоронной процессии.

Сир Гийом поклонился.

И исчез в дыму.

План был прост.

Но хаос никогда не бывает простым.

На третьей миле от столицы их настигли всадники.

Сир Гийом отбился от двоих, но третье копьё нашло цель.

Он упал, удерживая ребёнка так, чтобы тот не коснулся земли.

У обочины стояла повозка. В ней молодая женщина чуть старше двадцати пяти, вдова, ехавшая в соседнее королевство к дальним родственникам.

Он не знал её имени.

Он не знал, можно ли ей верить.

Но выбора не было.

Спрячь её, – прошептал он, передавая свёрток. Никому.

Никогда. Не говори, кто она.

А кто она – спросила женщина, прижимая ребёнка к груди.

Сир Гийом улыбнулся окровавленными губами.

Та, кого ищут.

Он умер до рассвета.

Женщина уехала.

И имя младенца исчезло.

Глава 1.

Где начинается дорога.

Утро начиналось. Как и сотни до него.

Прошло восемнадцать лет с той ночи, о которой люди давно забыли.

Но история помнит.

И кровь никогда не забывает.

За эти годы в городе многое поменялось, но для большинства жителей жизнь шла привычно и тихо, почти незаметно.

И среди этой обычной жизни жила девушка, о которой редко говорили громко.

Её звали Элиса Брейн.

Лицо её не было ярким в привычном смысле. Оно не поражало мгновенно и не требовало восхищения. Оно было спокойным. Слишком спокойным для восемнадцатилетней девушки.

В этом возрасте обычно ещё живёт поспешность: во взгляде, в улыбке, в движениях. Но в Элисе не было ни юношеской резкости, ни неуверенной попытки казаться старше.

Чистая кожа, тонкие ровные черты. Мягкая, но уверенная линия подбородка. Словно она привыкла держаться прямо даже тогда, когда никто не смотрит.

Нос изящный и прямой. Губы, спокойно очерченные, ча-

ще молчаливые, чем улыбающиеся. А если улыбка всё же появлялась, она была тихой и светлой, редкой, почти неожиданной.

Длинные густые ресницы слегка затеняли взгляд. Глаза светлые, серо-стальные, с холодным отблеском, который становился мягче при улыбке.

Волосы тёмно-русые, почти каштановые, в тени, с серебристым отливом на свету. Она носила их просто заплетёнными или убранными под платок.

Она не была высокой, но держалась прямо. Фигура её была стройной, движения тихими и точными, с той сдержанной грацией, которой никто специально не учил.

Иногда ей казалось, что её лицо создано для другого света. Не для дыма очага, а для высоких окон и каменных залов.

Но мысль эта всегда казалась странной.

Элиса редко задерживала взгляд на людях и почти никогда не задавала лишних вопросов. В её молчании не было ни холодности, ни страха. Лишь спокойная привычка слушать больше, чем говорить.

Люди чувствовали это.

В городе знали Элису Брейн не столько по имени, сколько по работе.

Если в доме купца нужно было привести в порядок покои перед приходом гостей, звали её. Если в лавке требовалось разобрать ткани так, чтобы каждая складка лежала ровно, снова звали её.

Она умела входить в чужое пространство так тихо, что спустя час оно становилось спокойнее, чем прежде.

Но больше всего люди ценили её молчание.

Элиса слышала многое. Ссоры, шёпот, разговоры за закрытыми дверями.

И никогда не выносила услышанное за порог. Дом Элисы стоял на окраине города, там, где каменная мостовая постепенно уступала утоптанной земле, а запах рынка сменялся дымом и сыростью развешенного льна.

Дом был простым, но крепким. Светлый камень стен местами подлатали известью. Тёмная черепичная крыша тяжело выдерживала зимние ветра. Узкие окна со ставнями смотрели на улицу и во двор, где рос старый орешник. Кривой, но упрямо живой.

Внутри всё было скромно и аккуратно.

Ткацкий станок. У стены, деревянный стол, глиняные кружки, аккуратно сложенные ткани. Полы, широкие доски, потёртые до светлого оттенка.

Ничего лишнего.

Элиса проснулась раньше солнца. Не потому, что спешила, а потому, что так было заведено.

Дом ещё хранил ночную прохладу. В тишине слышалось только редкое потрескивание углей в очаге.

Она накинула шерстяную накидку и подошла к маленькому окну. Утренний свет едва начинал пробиваться между крышами.

Элиса открыла ставни и на мгновение остановилась, глядя на знакомую улицу.

Словно пыталась разглядеть за горизонтом что-то, чего не могла назвать.

Иногда ей казалось. Небо зовёт.

Но куда именно? Она не знала.

Дом защищал её.

Но никогда не удерживал.

Мать уже поднялась, когда Элиса вернулась в комнату. Она сидела за столом, аккуратно складывая ткань. Слишком аккуратно для обычного утра.

Ты рано, – сказала она, не поднимая глаз.

Не спалось, – ответила Элиса.

Это была правда, но не вся. Ночью ей снова снились каменные стены и высокий зал, наполненный светом, в котором она стояла одна, не зная, кто ждёт её за спиной. Сон приходил к ней не каждую ночь, но всегда одинаково.

Элиса стояла в огромном зале. Высокие своды терялись в полумраке, а узкие окна под потолком пропускали холодный серебристый свет. Пол под её ногами отражал этот свет, словно был отполирован веками.

Она знала. Это замок. Но не тот, что видела издалека в детстве. Этот был древнее. Стены казались живыми, как будто помнили каждое имя, произнесённое под ними.

В самом конце коридора начиналось возвышение. Три широкие ступени, вырезанные из тёмного камня. На них сто-

ял трон.

Он не был вычурным. Высокая спинка, строгие линии, подлокотники в виде крыльев, сложенных вдоль сиденья. Камень был почти чёрным, но в его глубине мерцали серебристые прожилки. На ступенях трона лежала корона.

Не золотая. Тёмная, почти чёрная. Тонкая, с узором, похожим на переплетённые ветви. Она не блестела. Она будто ждала.

Элиса никогда не протягивала к ней руку.

Она просто смотрела.

Трон стоял пустым.

Над ним, занимая всю стену, висел гобелен.

Он колыхался, хотя в коридоре не было ветра.

На тёмно-синем поле, таком же глубоким, как вечернее небо, был вышит серебряный сокол с опущенными крыльями. Нити переливались мягким металлическим светом. Птица казалась слишком живой для ткани. Слишком внимательной. Сокол не просто смотрел.

Его тень падала вниз. Прямо на трон.

На самом краю гобелена, почти скрытый складкой ткани, был вышит маленький знак, едва заметный. Тонкая линия. Нарушение симметрии. Ошибка. Или знак принадлежности.

Во сне. Элиса поднимала руку и касалась ткани.

И в этот момент зал начинал наполняться звуком шагов.

Не громких. Не спешащих. Но приближающихся.

И раздавался голос.

Не громкий. Не мужской и не женский. Он звучал так, словно говорил сам зал, сам камень.

Имя забыто, но кровь помнит. Кровь не теряется. Она ждёт.

Элиса Никогда не видела лицо.

Она просыпалась до этого.

Каждый раз на рассвете. Сердце билось ровно, но в груди оставалось странное ощущение: будто она не вышла из сна, а лишь временно отступила от него.

И самое тревожное было. Не в троне и не в короне.

А в том, что Во сне она не чувствовала себя чужой.

Мать встала и подошла ближе. Лицо её было спокойным, но слишком собранным. Так смотрят перед дорогой.

Она была лет сорока пяти, не высокой и не хрупкой, крепкой, как старая ива, пережившая не одну бурю. В её волосах давно поселилась ранняя седина, но Мари никогда не пыталась её скрыть. Лицо её нельзя было назвать красивым в привычном смысле. Слишком строгие линии, слишком внимательные глаза.

Руки тёплые, натруженные, с тонкими шрамами от кухонных ножей и горячего железа. Знали труд, но двигались удивительно мягко.

Она редко рассказывала о себе. Говорила, что была вдовой, что дорога научила её молчанию, а годы – осторожности. Но иногда, когда она думала, что Элиса не видит, в её взгляде появлялась глубина. Человека, который слишком

многое пережил, чтобы позволить себе слабость.

Сегодня за тобой приедут, – сказала она.

Элиса замерла.

За мной?

Из города. Люди, что готовят приём во дворце. Им нужна помощь. Я сказала, что ты справишься.

Слова прозвучали просто, почти буднично, но между ними повисло что-то невыраженное. Элиса смотрела на мать, пытаясь понять, шутка это или решение, принятое давно и без неё.

Почему я – спросила она тихо.

Мать вздохнула, будто решаясь сказать больше, чем соби-
ралась.

Потому что в городе о тебе уже говорят.

Элиса удивлённо подняла глаза.

Говорят?

Ничего дурного, – поспешила добавить мать. – Говорят, что ты работаешь аккуратно. Что не сплетничаешь. Что тебя можно поставить в любую комнату, и там будет порядок. Та женщина, что набирает людей для замка. Она спрашивала про спокойных и надёжных. Тебя называли первой.

Это было правдой. Несколько раз Элису звали помогать в домах зажиточных купцов.

Но мать продолжала:

Во дворце готовят большой приём. Приедут важные гости. Там нужно больше рук. И больше глаз, но таких, что смотрят

и не видят лишнего.

Элиса медленно осмысливала услышанное.

– И ты согласилась?

– Да.

Это «да» прозвучало твёрдо.

– Нам нужны деньги, – добавила мать спустя мгновение.

– За работу во дворце платят втрое больше, чем в городе. За один месяц там ты получишь столько, сколько здесь за три.

Это была понятная причина. Их дом держался на труде, но не на изобилии.

Однако было и ещё что-то.

Мать отпустила её руки и отвернулась к окну.

– И ещё потому, – сказала она тише, – что нельзя вечно оставаться там, где тебя считают меньше, чем ты есть.

Элиса нахмурилась.

– Я не чувствую себя меньше.

– Нет, – мягко ответила мать. – Но мир чувствует.

Тишина между ними стала плотной.

– Во дворце ты увидишь, как живут те, кому всё даётся по праву рождения, – продолжила мать. – И поймёшь, что некоторые различия существуют только потому, что люди привыкли в них верить.

Эти слова были странными. Для женщины их положения – слишком смелыми.

– Ты хочешь, чтобы я осталась там? – осторожно спросила Элиса.

Мать медленно повернулась к ней.

– Я хочу, чтобы у тебя была возможность выбора.

Впервые за всё время в её взгляде мелькнула тревога – не за дорогу, не за работу, а за то, что может открыться.

– Если судьба откроет перед тобой дверь, – добавила она, – не бойся войти.

Элиса не знала, что именно имеет в виду мать. Для неё поездка в замок была просто работой. Помощью на приёме. Несколькими неделями среди чужих стен.

Она ехала не за судьбой.

Не за тайной.

И уж точно не за троном.

Она ехала потому, что была нужна.

И потому что мама впервые за много лет сказала ей:

– Пора.

Элиса кивнула.

Сборы были короткими. Одно платье – чистое, неброское. Платок. Туфли, которые не скользят по камню. Мать долго разглаживала складки, словно старалась вложить в них порядок и защиту.

Карета остановилась у дома ближе к полудню. Двое мужчин, не задавая лишних вопросов, помогли ей сесть. Колёса тронулись, и знакомая улица медленно поплыла назад. Элиса смотрела, пока поворот не скрыл дом из виду, и только тогда почувствовала, как внутри что-то дрогнуло – ни страх, ни радость, а ожидание.

Дорога была долгой. Поля сменялись лесами, деревни – холмами. К вечеру на горизонте показались стены замка. Высокие, холодные, чужие. Они не манили и не пугали – просто стояли как факт.

Когда карета въехала во двор, Элиса вышла не сразу. Каменные стены поднимались вокруг неё, замыкая пространство, будто ладони, сложенные в тяжёлую чашу. Ветер здесь звучал иначе – глуше, словно терял силу, касаясь серого камня.

И хотя она ещё не знала этого, именно в этот момент её жизнь – простая, тихая, чуждая дворцовым стенам – закончилась. Ни резко, ни громко. А так, как заканчиваются самые важные вещи: почти незаметно.

У ступеней её уже ждали.

Женщина лет сорока, в тёмном платье без украшений, стояла прямо, не опираясь ни на что. Это была леди Изольда Верн – главная распорядительница внутреннего двора и доверенное лицо короны в делах, где требовались не только порядок, но и молчание. Лицо её было спокойным, но взгляд – внимательным, цепким. Такой взгляд замечает детали, которые другие предпочитают не видеть. Изольда не носила драгоценностей – лишь тонкий перстень с печатью королевского дома, подтверждавший её полномочия говорить от имени дворца. Рядом находились двое стражников в матовых доспехах. На их нагрудниках был выгравирован герб дворца: золотой лев на алом поле, с поднятой лапой и короной.

Лев казался живым – не изящным, а властным. Элиса отметила это молча.

Леди Изольда сделала шаг вперёд.

– Элиса, – произнесла она ровно. – Вы пойдёте с нами.

В её голосе не было угрозы. Но и выбора в нём тоже не было.

Элиса сделала шаг вперёд. Проходя под аркой ворот, она невольно подняла глаза. Над ними развевался тот же алый штандарт с золотым львом. Ткань тяжело колыхалась, и солнце, падая на неё, делало золото почти огненным. Это был знак силы.

Во внутреннем дворе кипела работа. Конюхи снимали сбрую с лошадей, переговариваясь короткими фразами. Слуги в серо-зелёной одежде переносили сундуки и корзины. Их движения были быстрыми, выверенными. Никто не суетился – всё происходило в установленном порядке. Некоторые взгляды скользнули по ней – коротко, без интереса. Здесь часто кто-то приезжал, и кто-то исчезал.

Леди Изольда повела её внутрь. Первый зал встретил прохладой. Высокий потолок терялся в полумраке, а звук шагов отдавался лёгким эхом. Каменные плиты пола были отполированы веками. По стенам висели гобелены: сцены охоты и сражений, коронации, торжественные процессии. И в каждом – повторяющийся образ льва.

– Запомни дорогу, – произнесла распорядительница, не

оборачиваясь. – Восточное крыло. Ты будешь работать там.

Они прошли через длинную галерею. В нишах стояли медные светильники. Из узких окон под потолком падал холодный свет. Стража, стоявшая у поворотов, казалась частью архитектуры – неподвижная, строгая. Их лица были сосредоточены, будто они слышали больше, чем позволяли показать.

Дальше дворец менялся. Коридоры становились теплее, на полу появились ковры. Запах дыма и воска уступал место тонкому аромату лаванды. Здесь двери были резными, с металлическими накладками в форме львиных лап.

– Здесь принимают гостей, – сказала распорядительница. – Завтра придут ещё. Ты должна быть незаметной. Но всё видеть.

Они остановились у широких дверей, ведущих в приёмный зал. Леди Изольда приоткрыла их ровно настолько, чтобы Элиса могла заглянуть внутрь. Высокие окна, тяжёлые портьеры, длинные столы, расставленные вдоль стен. В дальнем конце – возвышение. Над ним – гобелен с алым фоном и золотым львом, вытканым густыми нитями. Свет ложился на ткань так, что казалось, будто лев движется.

– Это сердце дворца, – тихо сказала женщина. – Сюда тебе входить только по приказу.

Двери закрылись. Они прошли дальше, в восточное крыло. Здесь было тише. Камин уже горел, и воздух стал мягче. Гостиные комнаты располагались одна за другой. Жен-

щина открывала некоторые двери, позволяя Элисе увидеть убранство. В одной – плотные шторы глубокого синего цвета, серебряный кувшин на столе, аккуратно заправленная кровать с вышитым гербом льва на покрывале. В другой – письменный стол, чернильница, стопка чистого пергамента, зеркало в тонкой раме.

– Вода должна быть свежей. Ткани – без складок. Огонь – ровным, – произносила распорядительница. – Гостей не рассматривать. Разговоров не начинать. Слышать больше, чем говорить.

Элиса кивала. Наконец они остановились у узкой двери в конце коридора. Женщина вынула ключ.

– Это твоя комната. Малая, но отдельная. Ты не из кухонной прислуги.

Дверь открылась. Комната была скромной: узкая кровать, сундук, стол у стены. Но окно выходило во внутренний сад, и свет здесь был мягче.

– Тебе сейчас принесут рабочее платье. Переоденься. Потом начнёшь работу – сказала распорядительница.

Когда она ушла, Элиса осталась одна. Где-то в глубине дворца раздался глухой звук закрывающихся дверей. Она медленно сняла накидку, аккуратно сложила её в сундук. Сердце билось ровно, но где-то глубоко под этим спокойствием жило напряжение – словно струна, натянутая слишком туго.

Рабочее платье принесли быстро: тёмное, простое, хоро-

шо сидящее по фигуре. Слишком хорошо, подумала Элиса, и тут же отогнала эту мысль. Гостевые покои оказались просторными и светлыми. Здесь всё было приготовлено для людей, привыкших к удобству: плотные шторы, свежие простыни, серебряные кувшины. Элиса двигалась уверенно, но не спешила. Она меняла воду, поправляла покрывала, проверяла огонь в камине – и всё это делала так, словно занималась этим всю жизнь.

Несколько раз Элиса ловила на себе взгляды других служанок. Они не были откровенно враждебными – скорее осторожными, оценивающими. В замке всё новое замечали сразу. Здесь слухи двигались быстрее ветра. Кто-то склонился к соседке, что-то прошептал, и короткий смешок растворился в шуме комнаты. Элиса не подняла головы. Она уже знала: в таких местах лучше позволить себе быть незаметной, пока тебя изучают.

Когда остальные вышли за бельём, в комнате осталась только одна девушка лет семнадцати – невысокая, с веснушками и туго заплетённой косой. Она смотрела открыто, без злости, но с явным любопытством.

– Ты новенькая? – спросила она тихо, прислоняясь к столу.

– Да, – спокойно ответила Элиса.

– Я Лина, – представилась девушка после короткой паузы.

– Служу здесь третий год. А ты?

– Элиса.

Лина кивнула, будто примеряя имя на слух.

– Откуда тебя прислали?

– Из города.

– Из какого?

Вопрос был быстрым, почти незаметным – проверка. Элиса не запнулась.

– Южного.

Лина прищурилась.

– Красиво говоришь, – сказала она спустя мгновение. – Не по-нашему. Слова будто округляешь.

Элиса чуть улыбнулась.

– Мать научила.

– Странная у тебя мать, – усмехнулась Лина. – Наших учат работать, а не выговаривать.

Элиса спокойно сложила сложенное бельё.

– Она учила и тому, и другому.

Лина некоторое время молчала, разглядывая её профиль.

– Ты не боишься?

– Чего?

– Замка. Людей. Здесь быстро ломают тех, кто слишком... отличается.

Элиса наконец посмотрела ей прямо в глаза.

– Я привыкла, что на меня смотрят.

Ответ прозвучал тихо, но в нём не было ни вызова, ни

оправдания – только факт.

Лина хмыкнула.

– Ну что ж... посмотрим, сколько ты продержишься, городская.

Она вышла, но уже без прежней настороженности. А Элиса осталась в комнате, чувствуя, как ещё одна нить судьбы медленно затягивается вокруг неё.

К вечеру работа закончилась. Элисе поручили остаться в крыле и помогать тем, кто прибудет позже. Она стояла у стены, сложив руки, почти растворяясь в камне. Здесь, среди чужих голосов и шагов, она впервые ясно почувствовала: её старая жизнь осталась за стенами. А новая ещё не имела имени. И где-то в глубине замка уже шёл разговор, в котором её имени не звучало – но место для неё было приготовлено.

К вечеру замок изменился. Шаги стали чаще, голоса – тише, но напряженнее. В коридорах зажгли дополнительные светильники, и каменные стены заиграли тёплым отблеском. Золотые львы на гобеленах мягко мерцали в полумраке. Элиса стояла у стены, ожидая распоряжений.

Мимо прошли несколько придворных дам – в сопровождении двух молодых фрейлин. Их платья шелестели густыми тканями, украшения тихо звенели при каждом движении. Разговор их был негромким, но уверенным – так говорят люди, которых привыкли слушать.

Одна из дам чуть замедлила шаг. Она была старше остальных – лет сорока пяти, может, немного больше. Высокая, с

прямой осанкой и спокойной, почти сдержанной красотой. В её лице не было мягкости юности, но была та редкая выразительность, что приходит с привычкой наблюдать. Её звали леди Маргарет Эверлей.

Во дворце она занимала положение не самое громкое, но устойчивое: дальняя родственница правящей семьи и вдова бывшего королевского советника. Формально – гостя двора, фактически – женщина, чьё мнение уважали. Она не участвовала в ежедневных интригах, но присутствовала при них, и её молчание иногда значило больше, чем слова. На ней было тёмно-синее платье строгого кроя, без излишней отделки. Единственным украшением служила тонкая золотая цепь с маленьким медальоном в форме льва – герба дворца. Волосы, тронутые серебром, были аккуратно уложены. Лицо – спокойное, с лёгкой тенью усталости в уголках глаз. Она скользнула взглядом по служанкам – привычно, без интереса. И вдруг задержалась. Элиса почувствовала это раньше, чем увидела. Подняла глаза всего на мгновение. Их взгляды встретились.

Леди Маргарет не изменилась в лице. Ни удивления, ни настороженности. Только лёгкая, почти незаметная пауза. В чертах Элисы было что-то знакомое. Не точное сходство – скорее отголосок. Линия скул. Спокойный взгляд серо-стальных глаз. Манера держать голову чуть выше, чем полагалось служанке. На одно короткое мгновение ей показалось, что она уже видела это сочетание черт – не здесь, не

при этом дворе. В другом времени. В портретной галерее. В старых гобеленах. В историях о королеве древнего рода, чьё лицо художники всегда писали с той же тихой ясностью во взгляде. Имя не всплыло. Образ – почти. Но память не подала чёткого ответа.

Леди Маргарет не стала задерживаться на этом ощущении. Слишком многое при дворе кажется знакомым, если позволить воображению вести за собой. Она лишь перевела взгляд дальше, словно отметив деталь – и сознательно отпустив её.

– Новая? – спросила она ровно, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Да, миледи, – ответила одна из старших служанок.

Леди Маргарет кивнула.

– Пусть работает.

И пошла дальше, продолжая разговор с фрейлинами так, словно ничего не произошло. Она не придавала этому значения. В её жизни было достаточно лиц, похожих друг на друга, и призраков прошлого, чтобы не останавливаться на каждом случайном сходстве.

А Элиса осталась стоять у стены, ощущая, как её сердце медленно возвращается к прежнему ритму. Леди Маргарет Эверлей больше не оглянулась. Для неё это была всего лишь новая служанка. Пока что.

Коридоры постепенно редели. Шаги придворных затихали, шелест дорогих тканей растворялся в вечернем воздухе,

и только слуги всё ещё двигались по замку – тише, быстрее, незаметнее. День тянулся долго. Слишком долго для того, кто всё время чувствовал на себе чужой взгляд. Элиса выполнила последние поручения молча, без ошибок. Она подала воду, убрала столик у окна, передала ключи старшей служанке. Никто больше не произнёс её имени.

Когда её отпустили, небо уже темнело. Во внутреннем дворе ещё держалось мягкое вечернее тепло. Факелы у входа зажгли не из-за холода, а чтобы золотой свет красиво лёг на камень и алые штандарты. Элиса медленно прошла по узкой лестнице к покоем служанок. Каменные стены постепенно отдавали накопленное за день тепло, а воздух становился прозрачнее, свежее, напоённый ароматом нагретой травы и сада.

Она не ускоряла шаг.

Сегодня она впервые почувствовала, что замок – не просто место службы. Он будто проверял её. Примерял. Приглядывался.

В тот же вечер Элиса снова встретила Лину – уже в узком коридоре за кухнями, где каменные стены всегда хранили запах дыма и тёплого хлеба.

Лина несла корзину с бельём, но остановилась, когда увидела Элису.

– Ты не похожа на тех, кого сюда обычно присылают, – сказала она без прежней насмешки.

– Я уже это слышала, – спокойно ответила Элиса.

Лина поставила корзину на скамью и вдруг понизила голос:

– Сегодня о тебе говорили внизу, в прачечной. Слишком часто упоминают твоё имя для человека, который только появился.

Элиса почувствовала лёгкий холодок.

– И что говорят?

– Что тебя привезли не просто так. Что за тобой стоят люди. Что леди Изольда сама тебя встретила.

Имя прозвучало негромко, но веско.

Лина шагнула ближе.

– Послушай. Здесь выживают не самые сильные. И не самые красивые. Здесь выживают те, у кого есть кто-то свой.

Элиса посмотрела на неё внимательно.

– И ты предлагаешь стать этим «своим»?

Лина пожала плечами.

– Я предлагаю не оставаться одной.

В её глазах не было расчёта. Только осторожная решимость.

– Почему? – тихо спросила Элиса.

Лина помедлила.

– Потому что я знаю, каково это – когда на тебя смотрят иначе. Мой отец был солдатом, не дворянином, но слишком честным. И это стоило ему жизни.

Она впервые отвела взгляд.

– В замке любят тех, кто удобен. Ты – не удобная.

Между ними повисла пауза. Элиса медленно кивнула.

– Тогда не отходи от меня далеко.

Лина улыбнулась – уже без тени иронии.

– Не отойду.

Она вспоминала разговор с Линой, пока шла к себе. В комнате было тихо. Элиса закрыла дверь и на мгновение прислонилась к ней лбом. Дерево было прохладным.

Она сняла платье, аккуратно сложила его, провела ладонью по ткани, будто разглаживая не складки – мысли. Затем опустилась на кровать. Она лежала, повернувшись к узкому окну. За стеклом темнело небо, редкие звёзды проступали сквозь прозрачную ночь.

В памяти снова возникло лицо леди Маргарет – спокойное, внимательное. Та короткая пауза перед словом. Взгляд, задержавшийся чуть дольше, чем следовало.

Элиса нахмурилась едва заметно. Наверное, ей просто показалось.

В замке каждый день появляются новые лица. Не может же одна служанка вызывать интерес у женщины, привыкшей к придворной жизни.

Она глубоко вдохнула. Нужно просто работать аккуратно. И не думать лишнего. Сердце уже билось ровно. Тело приятно ныло от усталости – честной, понятной, земной. Такой, после которой сон приходит быстро. Мысли постепенно расплывались. Леди Маргарет больше не оглянулась. И, скорее всего, к утру забудет о новой служанке. Элиса позволила гла-

зам закрыться. Завтра будет ещё один день. И ей достаточно того, что он просто будет.

Глава 2.

Случайное столкновение.

Утро в главном крыле начиналось раньше, чем солнце добиралось до окон. Элиса проснулась от звука шагов в коридоре – быстрых, приглушённых. Дворец уже жил. Где-то хлопнули двери, звякала посуда, негромко переговаривались служанки. Она оделась быстро и без лишних движений.

Работа в главном крыле отличалась от восточного. Здесь всё было тоньше – меньше видимой роскоши, больше внимания к мелочам. Воду нужно было менять до того, как её попросят. Огонь – поддерживать так, чтобы пламя не трещало слишком громко. Ткани – расправлять без единой складки.

В большом зале уже шли приготовления. Столы расставляли вдоль стен, на возвышении проверяли покрытие трона. Над ним тяжело спадал гобелен с золотым львом на алом поле. В свете утренних ламп нити казались почти живыми.

– Быстрее, – негромко сказала старшая служанка. – К полудню всё должно быть готово.

Элисе поручили отнести серебряный кувшин с чистой водой в боковую галерею, ведущую к личным покоям принцев. Она не задала вопросов – просто взяла кувшин и пошла, придерживая его обеими руками, чтобы вода не колыхнулась.

Галерея действительно отличалась от остальных коридо-

ров дворца. Здесь было тише – не той рабочей тишиной, что царит в хозяйственных переходах, а сдержанной, почти настороженной. Узкие высокие окна пропускали холодный рассеянный свет. Портреты прежних правителей смотрели со стен строго и неподвижно. Каменные плиты под ногами казались более гладкими, словно по ним веками ходили одни и те же шаги.

Элиса шла, сосредоточившись на ровном дыхании и на том, чтобы вода не расплескалась. Она привыкла смотреть вниз – так было безопаснее. Слуги, которые слишком часто поднимали глаза, быстро учились не повторять эту ошибку.

Поэтому она не сразу заметила движение впереди.

Столкновение произошло мягко, но неожиданно – её плечо коснулось чьей-то груди, кувшин качнулся, серебро коротко звякнуло. Вода опасно поднялась к самому краю.

Чужая рука перехватила кувшин мгновенно – уверенно, без суеты. Пальцы были сильными, тёплыми, с лёгкой шероховатостью на ладони, будто человек привык держать не только перо, но и оружие.

– Осторожно.

Голос был низким, спокойным, без резкости. Не раздражённым – скорее привычным к тому, что его слушают.

Элиса подняла глаза.

Перед ней стоял мужчина лет тридцати – возможно, немного старше. Высокий, широкоплечий, но без показной тяжеловесности. Его осанка была безупречной – не напря-

жённой, а естественной, как будто он с детства привык стоять прямо.

На нём был тёмный камзол глубокого угольно-черного цвета. Ткань дорогая, но без лишней вышивки. Лишь на груди – тонко вышитый золотой лев. Не герб целиком, а именно знак – упрощённый, строгий. Такой носят не для украшения, а как напоминание.

Свет из окна падал сбоку, подчёркивая чёткую линию скул и прямой нос. Черты его лица были правильными и сильными – не мягкими, но гармоничными. Нос прямой, благородный, с той спокойной уверенностью линий, которая часто встречается у людей древних родов. Губы – чётко очерченные, не слишком тонкие, но сдержанные, словно он привык больше отдавать приказы, чем произносить лишние слова. Когда он говорил, в их линии чувствовалась спокойная решительность.

Лицо его было красивым, но не той лёгкой, юношеской красотой, которая исчезает со временем. В нём чувствовалась зрелая мужественность – сочетание силы, привычки к власти и внутреннего самообладания.

Волосы – тёмно-русые, чуть длиннее придворной моды, откинутае назад. Несколько прядей выбились на виске. Лицо сдержанное. Взгляд светлый, серо-стальной, внимательный.

Не холодный.

Но оценивающий.

Он держал кувшин так, будто это не служанка столкнулась с ним, а он сам случайно преградил ей путь.

И именно тогда Элиса заметила детали.

За его плечом на мгновение показался королевский гвардеец – остановился на почтительном расстоянии, не вмешиваясь. Чуть дальше, у поворота галереи, двое придворных замедлили шаг и склонили головы.

Ненизко, но достаточно, чтобы стало ясно.

Ему кланяются иначе.

И ещё – тишина.

Та особая пауза в воздухе, когда человек с властью оказывается рядом, и пространство будто подстраивается под его присутствие.

Ренар Арденваль, сын короля Кайлена Арденваля, – наследный принц.

Осознание пришло не как гром, а как холодная волна. Спокойно. Неотвратимо.

Элиса опустила взгляд.

– Простите, милорд.

Её голос не дрогнул, хотя сердце уже билось быстрее.

Он всё ещё держал кувшин. Их пальцы соприкасались дольше, чем требовала необходимость – всего мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы тепло его руки показалось неожиданно живым и реальным.

И в это короткое мгновение он успел заметить больше, чем ожидал.

Когда она подняла глаза, свет из окна коснулся её лица. Чистая кожа, мягкие линии губ, спокойный изгиб носа и длинные тёмные ресницы, отбрасывающие лёгкую тень на щёки. Её взгляд был ясным и тихим – не дерзким, но слишком глубоким для простой служанки.

Это было всего мгновение.

Но оно задержалось в памяти чуть дольше, чем следовало.

Он отпустил кувшин, когда убедился, что она держит его крепко.

– Вы новенькая, – произнёс он.

Это не было вопросом, скорее констатацией.

Его взгляд скользнул по ней небрежно – от платка на волосах до края простого платья – и вернулся к лицу. Не задержался слишком долго, но и не прошёл мимо.

На долю секунды в его взгляде мелькнуло лёгкое удивление – почти незаметное, как если бы он отметил про себя несоответствие между скромной одеждой и тем спокойным достоинством, которое иногда проскальзывало в её лице.

– Да, милорд.

Он слегка кивнул.

В его лице не появилось ни раздражения, ни снисходительности. Только короткая, почти невидимая пауза – как если бы он отметил что-то для себя. Не важное, но достойное запоминания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.